Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-36-45

УДК 74.03

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН
(60–90-е годы XIX в.)**

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

г. Владикавказ, Россия

ORC ID 0000-0002-6715-9185

nadezhda-blejikh@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется просветительская политика России относительно мусульман Северного Кавказа, в историческом аспекте обосновывается формирование образовательного потенциала горцев-мусульман, связанное с эволюцией просветительской парадигмы государства в области их образования, итогом которого стала аккомодация региональной конструкции обучения к общероссийской системе. Делаются выводы, что имперское правительство, адаптируясь к обстановке капитализма и осуществляя модернизацию в крае, стало больше уделять внимание вопросам просвещения «иноверцев». Но из-за непоследовательной политики чиновников охват обучением мусульман был недостаточным и требовал дальнейшего реформирования просветительской национальной системы.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, просветительская политика, мусульманское образование, национальная система обучения

Для цитирования: Блейх Н.О. Просветительская стратегия Российской державы на Северном Кавказе в отношении мусульман

(60–90-е годы XIX в.) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021.

Том. 13, № 3. С. 36-45

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-36-45

Original article

EDUCATIONAL STRATEGY OF THE RUSSIAN POWER IN THE NORTHERN CAUCASUS REGARDING MUSLIMS (60s–90s of the 19th century)

Nadezhda O. Bleich

North Ossetian State University K.L. Khetagurov

г. Владикавказ, Russia

ORC ID 0000-0002-6715-9185

nadezhda-blejikh@mail.ru

Abstract. The article analyzes the educational policy of Russia regarding the Muslims of the North Caucasus, substantiates the formation of the educational potential of the Muslim mountaineers in the historical aspect associated with the evolution of the educational paradigm of the state in the field of their education, the result of which was the adaptation of the regional structure of education to the all-Russian system. It is concluded that the imperial government, adapting to the situation of capitalism and carrying out modernization in the region, began to pay more attention to the issues of enlightening "infidels". But due to the inconsistent policy of officials, the coverage of Muslims by training was insufficient and required further reform of the national educational system.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, educational policy, Muslim education, national education system

For citation: Bleich N.O. Educational strategy of the Russian power in the Northern Caucasus regarding muslims (60s–90s of the 19th century). *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.3. PP. 36-45. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-36-45

С окончанием так называемой Кавказской войны изменилась и просветительская политика Российской империи. Если раньше в связи с военными действиями государство было занято решением внутренних геостратегических проблем и потому мало внимания обращало на социально-культурную модернизацию окраин, то теперь основной целью правительства становится адаптация горских жителей к российским условиям жизнедеятельности, к их культурному развитию. С этого периода на Северном Кавказе официально начинают параллельно сосуществовать две совершенно разные системы образования – духовная (исламская) и светская (российская), причем последняя хочет унифицировать первую под свои стандарты.

В 1859 г. очередной управляющий Кавказом, генерал-фельдмаршал, князь А.И. Барятинский (1856–1862) начинает заниматься школьным переустройством. Прежде всего ему подверглась система образования в крае. Нововведением явилось решение об открытии горских школ, вводился сословный ценз. Согласно

Уставу горских школ, в них имели право обучаться только дети состоятельных родителей и только на русском языке, родные диалекты в расчет не принимались [10, л. 34об.]. По сути, учреждением горских школ правительство хотело показать, что система образования создается исключительно с заботой о местном населении, однако этот законодательный акт вызвал справедливое возмущение не только всей общественности, но и простых горцев, проживающих в национальных округах.

Сам прекрасно образованный, князь понимал всю нужность просвещения горцев-мусульман, однако придерживался линии христианизации горцев. Именно ему принадлежала идея создания Общества восстановления христианства на Кавказе, поддержанная Александром II. Поэтому, проводя на доверенной ему территории административные реформы, он ужесточал требования к мусульманским духовным заведениям, внедряя в них усиленное обучение русскому языку и отказываясь от изучения горскими детьми местных диалектов. Наместник полагал, что региональная образовательная концепция может успешно функционировать только при надлежащем надзоре за ней правительственных органов.

Такая тенденция стала основополагающей в школьной политике самодержавия на Кавказе вплоть до начала 1860 г. В этот год князь А. Барятинский своим указом упразднил Кавказский учебный округ, определяя это тем, что он слишком велик, поэтому необходимо его децентрализовать. В принятом им в этот год циркуляре об управлении учебным отделом на Кавказе высшие функции управления были делегированы самому наместнику. Весь край был разделен на три дирекции народных училищ. Теперь к двум действующим, Ставропольской и Кубанской, добавлялась Терская, а все полномочия по управлению ими передавались губернаторам и начальникам местностей.

Предполагалась, что такое рассредоточение принесет пользу народному образованию, а вышло все иначе. Каждая дирекция стала составлять свои инструкции по управлению образованием без оглядки на соседские установки, поэтому началась неразбериха с методикой обучения и требованиями к нему. Доходило до того, что из-за несоответствия программ обучения в разных областях нельзя стало переводить учащихся из одного учебного заведения края в другое.

На отсутствие всяческого порядка в просвещении населения обратил внимание назначенный кавказским наместником вел. кн. Михаил Николаевич Романов (1832–1909), поэтому свою деятельность он начал с коренного реформирования народного образования. Анализируя неудавшееся администрирование кн. А. Барятинского, М.Н. Романов отмечал: «Уничтожив должность попечителя учебного округа, который был знаком с народным образованием в крае, кавказский наместник лишился квалифицированного помощника в деле просвещения аборигенного населения. Начальники губерний и областей, коим был поручен пригляд за преуспеванием учебных заведений, не смогли в должной мере осуществлять эти обязанности, так как были заняты многосложными трудами по другим вопросам, да и многие из них не имели никакого представления об образовании, сколь имел попечитель округа, исключительно этим занятый» [9, л. 56]. Поэтому, разослав указ о централизации властных полномочий, он унифицировал таким образом центр и периферию.

Вскоре такое решение возымело действие. Чиновничья чехарда закончилась и в крае, особенно в его национальных областях, получила развитие сеть образовательных организаций различных видов. Так, знаменательным событием стало создание первых горских школ у чеченцев: в 1865 г. – в с. Старый Юрт, в

1867 г. – в с. Ведено, в 1869 г. – в с. Б.Чечен и др. Занятия в них проводились на чеченском языке. В них преподавались русский и арабский языки, чистописание, арифметика. Но все эти школы, как и созданная еще в 1862 г. генералом П. Усларом грозненская школа, просуществовали совсем недолго, из-за отсутствия средств, и вынуждены были закрыться [3, с. 18].

А вот школы, созданные в Нальчике и Грозном по линии Министерства народного просвещения в 1859 г. как «горские», заложили основу начального образования детей горцев в Терской области и имели достаточно долгую и славную историю. Они в основном обучали детей местных владельцев, военных и чиновников начальным азам, а также занимались репетиторством, готовя молодежь к поступлению в другие образовательные заведения [1, с. 37].

Наряду с расширением сети учебных заведений происходили изменения и в их устройстве. Например, известно, что начальная школа в Темир-Хан-Шуре получила статус прогимназии, двухгодичная школа в Дербенте преобразовалась в гимназию, в двухклассное Нальчикское училище был добавлен еще один год обучения, Грозненское уездное училище получило статус классической гимназии т.д.

Вместе с этим произошли изменения и в статусе преподавательских кадров, отменявшие деление их на младших и старших. Малоимущим детям стали предоставлять казеннокоштные вакансии и стипендии. Обратили внимание и на подготовку для края специалистов, имеющих высшее образование. Для этого выпускников гимназий стали отправлять на обучение в центральные города России.

Великий князь посчитал необходимым на Кавказе ввести должность главного смотрителя учебных заведений. Им стал выдающийся русский просветитель и педагог Я.М. Неверов (1810–1893). Когда через три года Кавказский учебный округ будет восстановлен, он получит должность попечителя и предпримет радикальное реформирование в устройстве школьного дела у мусульманских народов. Началом его станет утвержденное наместником М.Н. Романовым в 1867 г. законоположение «Об учебной части на Кавказе», разрешающее перевод мечетских школ в статус народных училищ со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

По нему учителя русского языка, назначаемые в мечетские школы, могли пользоваться всеми правами и преимуществами, присвоенными учителям начальных одноклассных училищ по ведомству народного просвещения за Кавказом. Такими же правами и содержанием могли пользоваться за преподавание, сверх мусульманских наук, русского языка и других по программам одноклассных начальных училищ предметов, служащие по выбору обществ муаллимы, приобретшие на то право общеустановленным по учебному ведомству порядком [15, л. 61].

Общий надзор за мечетскими школами вверялся как окружным кадиям, так и полицейскому начальству. Таким образом, государство законодательно закрепило за собой право контроля преподавания как духовного, так и светского образования мусульман на Северном Кавказе. Этим актом российское правительство официально легитимировало исламские духовные школы, приравняв их к российским. Началась новая эра в региональном образовательном пространстве у мусульманских народов Северного Кавказа.

Однако наряду с успехами имелись и недостатки. В уездных училищах упразднялись подготовительные классы, вводилась плата за обучение и строго регламентировалось количество мест для горцев. Все это привело к тому, что число образованных людей среди коренных народов оставалось по-прежнему не-

большим. В целом в 1867 г. в национальных областях Кавказа проживало 510 773 чел., из них горцы составляли 81,2% всего населения области. При этом число учащихся достигло 6261 чел. (4881 муж., 1380 жен.), что на 746 чел. превосходило этот показатель 1864 г. Они обучались в 115 начальных учебных заведениях: 51 мужском, 9 женских и 55 смешанных. В 19 городских училищах и школах учились 1301 чел. (805 муж., 296 жен.), или 30% всех учащихся области; в 12 сельских школах – 437 чел. (327 муж., 110 жен.), или 5,1%, 28 из которых работали при мечетях, в них числилось 287 мальчиков (3,4%) [12, с. 160]. Финансирование этих бюджетных заведений в 1867 г. составляло 56 365 рублей, из них половина (24 675 руб.) тратилась на нужды просвещения мусульман.

Все школы имели свои помещения, но не все были укомплектованы учебно-методической литературой, на что сетовал попечитель учебного округа, назвав постановку библиотечного дела неудовлетворительной [6, с. 234].

Управление школьной сетью 70-х годов в национальных округах опиралось на Положение от 1867 года «Об учебной части на Кавказе». Этот циркуляр делал учебную работу на окраинах аналогичной общероссийской. Для чего было решено в обучение и программы внести следующую коррекцию: заменить греческий язык на естествоведение, а латынь – на законоведение, увеличить количество уроков по русскому языку и литературе за счет сокращения обучения родному языку, преобразовать все уездные училища в третьеклассные с упразднением в них подготовительного класса.

При этом в прогимназиях и гимназиях сохранялись классы для не владеющих русским языком, дети имели возможность по выбору изучать немецкий, французский, а в духовных школах – арабский и турецкий языки, по-прежнему соблюдался возрастной ценз и взималась плата за обучение. Важным моментом для мусульман было освобождение их от изучения церковнославянского языка [18, с. 3-4], однако вводилось обязательное изучение русского по инициативе федерального министра просвещения Д.А. Толстого, яркого представителя чиновничьей аристократии. Получив разностороннее образование, он, однако, был чужд либеральных устремлений. Особенно это касалось управления нерусскими народами. Министр полагал, что они все должны как можно быстрее «обрусеть». Для этого необходимо во все учебные заведения российской глубинки ввести обязательное преподавание русского языка. Для иноверцев Кавказа в 1870 г. он издал указ об обязанности горским обществам содержать учителя русского языка [4, л. 1]. Через четыре года последовал другой законопроект, вводивший все духовные учебные заведения мусульман (мектебе и медресе) в юрисдикцию Министерства народного просвещения. В этом указе инспекторам народных училищ поручался надзор за всем учебно-воспитательным процессом в мусульманских школах.

Эти правительственные акты были направлены на скорейшую русификацию автохтонов с помощью просвещения, которое осуществлялось в бесцеремонной форме в ущерб материнским языкам. И вполне справедливо, что действия федеральных чиновников, не имевших никакого представления о самобытности и ментальности автохтонов, вызвали волну негодования последних. Резонанс был настолько широким, что докатился и до Петербурга. Напуганное Министерство народного просвещения поспешило отозвать свой указ о запрете изучения родных языков. Однако оно следующим рескриптом от 30 апреля 1876 г. попыталось в мусульманских областях ограничить изучение арабского языка, на котором велось все богослужение, заменив его обучением родных для горцев языков.

Понятное дело, что и такая инициатива вызвала недовольство населения, прежде всего духовенства, которое посчитало вызовом для веры данный законопроект. Служители культа стали открыто противодействовать российской системе обучения и пугать своих прихожан карами Аллаха. Поэтому многие наиболее набожные мусульмане стали забирать своих детей из русских учебных заведений. В архивах Грузии содержатся документы, которые свидетельствуют о недоверии и предубеждении мусульман Кавказа к российскому просвещению [5, л. 44-46].

Ошибочность подобных чиновничьих действий осудил известный лингвист П.К. Услар: «Если проводником для чуждой цивилизации (мусульманской) послужил чуждый язык (арабский), то языком народным всего удобнее противодействовать ей. Наконец, нетрудно управлять умами там, где народ только слегка подвергся какой-либо самой по себе слабой цивилизации (действие горской цивилизации на горцев под русским контролем) или цивилизации, нам не враждебной (немусульманской)» [13, с. 6].

В дальнейшем чиновники от образования все действующие в мусульманских районах учебные заведения поделили на две группы: правильно организованные, где преподавался русский язык, и сомнительные. Последние лишались государственных субсидий, однако они не закрывались.

Впрочем, несмотря на такое осторожное отношение к просвещению мусульман, все же цивилизаторская политика принесла свои плоды. С количественным ростом школ различных типов возросло и число образованных людей из числа горцев. С помощью них Кавказ постепенно стал превращаться из «дикой страны с варварскими племенами» в наиболее экономически развитый регион Российской империи. Однако рабочих рук по-прежнему не хватало, и потому новая (капиталистическая) форма хозяйствования стала нуждаться в профессионалах, а значит, необходимо было расширить просветительство горских народов. Только таким образом можно было добиться модернизации социально-экономического и культурного уклада в крае.

Очередные изменения в образовании мусульман произошли в 1875 г. с установлением указа о введении единых училищных правил центра и периферии. Отныне все кавказские инспекторы образования стали подчиняться распоряжениям Министерства, которое утверждало устав учительских семинарий, заведовало развитием начальных (горских) школ, участвовало в сборе общественных средств и благотворительной деятельности для функционирования всей школьной системы.

Такая унификация положительно сказалась на дальнейшем развитии школьного просвещения у мусульман. В одной только Терской области наравне с мечетскими, которых было 137, функционировало 108 горских школ [7, с. 16-20].

Однако бравурные рапорты чиновников об увеличении численности школьной системы не отражали данные о качестве образования. Например, только 1/3 выпускников гимназий могла продолжить свое дальнейшее обучение из-за низких знаний. Видимо, сказывалось плохое знание русского языка.

Усугубило этот факт и упразднение в 1881 г. наместничества. Страна оказалась не готовой решать социокультурные проблемы периферийных районов, а общество – взвалить на свои плечи обучение «инородцев». Поэтому центр все чаще стал устраниваться от решения насущных вопросов просвещения нерусских народов, а его непродуманные действия, состоящие в запрете (1887 г.) подготовительных классов в гимназиях, подорожании обучения, введение социального

ценза, оказывали неблагоприятное влияние на образовательную сферу кавказских народов [2, с. 67].

Однако с увеличением платы за обучение порядок финансирования начальных школ не изменился, только произошел несущественный рост денежных вливаний в средние учебные заведения благодаря земским обществам, выплачивающим государственные налоги.

Если исходить из данных статистики, в мусульманских областях в 1882 г. образованием было охвачено 1342 человека, в 1883 г. – 1496, на начало 1884 г. – 1595, на конец 1885 г. – 2082 [16, л. 126]. Все обучающиеся находились на иждивении различных мусульманских благотворительных организаций. На их содержание в год тратилось 10 852 рубля 40 копеек [16, л. 154].

Через 10 лет в крае функционировало уже 242 учебных заведения, из них на долю Терской области приходилось 147, Дагестанской – 95 школ. В них проходили обучение 4203 человека, что было на 2121 больше, чем в 80-е годы. При этом значительно увеличилось количество детей из простых сословий [8, с. 108-111, 510-511]. В результате этого грамотность мусульманского населения в Терской области составила 16,7%, в Дагестане – 12,9% [17, л. 8-10].

Изменился и подход в обучении коренного населения Кавказа: в правительственных школах вводилось совместное обучение детей различных национальностей и верований, для чего совместно со светскими дисциплинами, утвержденными Министерством народного просвещения, преподавались духовные сообразно конфессиям. При этом важно то, что мусульмане, помимо родного языка, изучали русский и арабский. Полученные знания в русской школе помогали выпускникам и дальше проходить обучение в центральных городах России. В то время как учебный процесс в мектебе и медресе оставался классическим и потому не соответствовал вызовам времени, а питомцы духовных учебных заведений не могли иметь дальнейшего доступа к образованию и пополняли собой только отряд служителей культа. Лишь малая часть из них (наиболее зажиточная) могла себе позволить продолжить обучение в восточных странах. Видя такое положение дел, к концу XIX столетия горцы-мусульмане стали отдавать предпочтение русским школам.

Заключение. Окончание военных действий на Кавказе открыло простор Российской империи для модернизации всех сфер жизни его граждан. Особому реформированию подверглась и система просвещения мусульман, направленная на восстановление централизованного управления учебной частью и либерализацию народных школ, выраженную в отходе от сословности и связанную с легитимацией мусульманских духовных учебных заведений.

Российская просветительская парадигма послевоенного времени за три десятилетия прошла непростой путь от несогласованности, путаницы и неразберихи в действиях правительства до ее конкретизации, выстраивания четкой системы относительно мусульман края. Просвещение нерусских народов постепенно становилось наиболее действенным механизмом устранения этнических и религиозных различий посредством унификации образовательных учреждений края с государственной просветительской моделью.

В тех случаях, когда чиновники становились на путь искоренения национальной самобытности, возникала конфликтная ситуация и национальная школа нередко становилась эпицентром конфессионального противоборства. Поэтому в дореформенной российской просветительской политике наличествовали две

противоречивые установки – стремление к культурному и языковому родству и при этом обособление мусульманских народов. Несмотря на внешний антагонизм, обе эти линии были определены единым вектором развития полинациональной федерации.

В результате к концу XIX в. имперское правительство, адаптируясь к обстановке капитализма и осуществляя модернизацию в крае, стало больше уделять внимание вопросам просвещения «иноверцев». Средством развития образования у мусульманских народов края мыслились правительственные школы, которых из-за непоследовательной и нечеткой политики правительства было недостаточным. Но все равно их появление способствовало не только росту интеллектуально-образовательного уровня, но и благоприятствовало культурной модификации всего горского социума.

Как видим, инкорпорация всего Северного Кавказа в правовое пространство Российской империи стала важной вехой для социально-экономического и политического развития его народов. Она явилась мощным триггером для внедрения края во всероссийский рынок, благодаря которому появилась возможность модернизировать существующее духовное образование у мусульманских народов и создать государственное.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Блейх Н.О. Начало становления просветительства на Северном Кавказе (первая половина XIX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5-1 (43). – С. 37-39.
2. Блейх Н.О. Проблемы конфессионального образования мусульман Северного Кавказа (XIX в.) // Педагогика и просвещение. – 2017. – № 2. – С. 67-74.
3. Гонтарева Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1965. – 231 с.
4. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР). Ф.289. Оп.1, д.1, д.16, д.69. Л.1.
5. Национальный архив Грузии (НАГ). Ф.229. Оп.1, д.1078; Оп.2, д.705, д.903, д.2090, д.2306; д.1001. Л.44-46.
6. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1867 год. – Тифлис, 1867. – 594 с.
7. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1875 год. – Тифлис, 1876. – 485 с.
8. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1897 год. – Тифлис, 1897. – 625 с.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.400. Д.234. Л.56.
10. РГВИА. Ф.ВУА. Д.6661. Л.34об.
11. РГВИА. Ф.400. Оп.12. Д.6313. Л.62.
12. Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ, 1868. – 321 с.
13. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. – Т. III. Отд. 4. – С. 6-30.
14. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. – Тифлис, 1880. – 432 с.
15. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф.12. Оп.5. Д.125. Л.61-111.

16. ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.17. Д.67. Л.126.
17. Центральный государственный исторический архив Российской Федерации (ЦГИА РФ). Ф.1290. Оп.11. Д.2373. Л.8-10.
18. Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом № 6 за 1868 год. – Тифлис, 1868. – С. 3-4.
19. Циркулярные положения Попечителя Кавказского учебного округа начальника учебных заведений «О фундаментальных библиотеках». – Тифлис, 1884. – № 210. – С. 87.

REFERENCES

1. Bleich N.O. The beginning of the formation of enlightenment in the North Caucasus (first half of the 19th century). Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. No. 5-1 (43). P. 37-39. (In Russ).
2. Bleich N.O. Problems of confessional education of Muslims of the North Caucasus (XIX century). Pedagogy and education. 2017. No. 2. P. 67-74. (In Russ).
3. Gontareva E.N. Primary education in pre-revolutionary Chechen-Ingushetia. Grozny, 1965. 231 p. (In Russ).
4. GIAAR (State Historical Archives of the Republic of Azerbaijan). F. 289. Op. 1, d. 1, d. 16, d. 69. L.1.
5. NAG (National Archives of Georgia). F. 229. Op. 1, d. 1078; op. 2, d. 705, d. 903, d. 2090, d. 2306; d. 1001. L. 44-46.
6. Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1867. Tiflis, 1867. 594 p. (In Russ).
7. Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1875. Tiflis. 1876. 485 p. (In Russ).
8. Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1897. Tiflis, 1897. 625 p. (In Russ).
9. RGVIA (Russian State Military Historical Archive). F.400. D.234. L.56.
10. RGVIA. F. VUA. D. 6661. L.34ob.
11. RGVIA. F.400. Op. 12. D. 6313. L.62.
12. Collection of information about the Terek region. Issue 1. Vladikavkaz, 1868 321 p. (In Russ).
13. Uslar P.K. On the spread of literacy among the highlanders. SSKG. T. III. Dept. 4. P. 6-30.
14. The course of educational affairs in the Caucasus from 1802 to 1880. Tiflis, 1880. 432 p. (In Russ).
15. CSA RSO-A (Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania). F. 12. Op.5. D.125.L.61-111.
16. TsGA RSO-A. Form 123. Op.17. D.67. L.126.
17. TsGIA RF (Central State Historical Archives of the Russian Federation). F.1290. Op.11. D.2373. L.8-10.
18. Circular on the management of the Caucasian educational district No. 6 for 1868. Tiflis, 1868. P.3-4. (In Russ).
19. Circular provisions of the Trustee of the Caucasian educational district of the head of educational institutions "On fundamental libraries". Tiflis, 1884. No. 210, p. 87. (In Russ).

Информация об авторе: Блейх Надежда Оскаровна, доктор исторических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия
nadezhda-blejkh@mail.ru
РИНЦ Author ID 6365-4160,
ORC ID 0000-0002-6715-9185.
Web of Science Researcher ID Y-6186-2018

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Nadezhda O. Bleich, Doctor of Historical Sciences, Professor, North Ossetian State University K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia
nadezhda-blejkh@mail.ru
nadezhda-blejkh@mail.ru
РИНЦ Author ID 6365-4160,
ORC ID 0000-0002-6715-9185.
Web of Science Researcher ID Y-6186-2018

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 21.05.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 11.06.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2021
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests